

помочь вывести похищенное [4, с. 769]. Позиция А. П. Козлова такова: если признать, что виновные уже получили возможность распорядиться имуществом, а жена не обещала заранее оказать им в этом помощь, то ее действия по перевозке краденного вообще нельзя признать преступными.

Полагаем, что малозначительность – это категория в уголовном праве, без которой вполне можно обойтись. Ее существование в современном виде лишь порождает затруднения и приводит к тому, что лицу выносится обвинительный либо оправдательный приговор в зависимости от усмотрения правоприменителя. С нами согласились 83 % респондентов из числа мировых судей; они полагают, что нет необходимости в ее существовании.

Однако жизнь всегда разнообразнее, чем может это предвидеть уголовный закон, и мы допускаем, что в ряде случаев общественная опасность может снижаться в силу рассмотренных выше обстоятельств, это должно учитываться при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности лица.

В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 14 УК РФ исключить, а гл. 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» дополнить статьей «Освобождение от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния», ограничив круг таких деяний только категорией преступлений небольшой тяжести, совершенных впервые.

Библиографический список

1. Винокуров, В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы [Электронный ресурс] / В. В. Винокуров // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.
2. Дело № 1-51/2011 // Архив Русско-Полянского районного суда Омской области.
3. Дело № 22-16/2012 // Архив Приютненского районного суда Республики Калмыкия.
4. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 819 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2011 года по уголовным делам [Электронный ресурс] // Верховный Суд Рос. Федерации. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=7474 (дата обращения: 20.09.2015).

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА On the Essence of Religious Extremism

СИГАРЕВ Андрей Васильевич – доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент (Новосибирск)

Sigarev Andrey V. – Associate-Professor of Constitutional and Municipal Law Department, Siberian Institute of Management – branch of RANHiGS, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Novosibirsk)

ne203@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие и признаки религиозного экстремизма, проблемы правоприменения в этой сфере. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об ограниченной эффективности правовых средств в квалификации и противодействии экстремизму. Совершенствование системы запретов и санкций должно идти параллельно с развитием иных способов межконфессионального взаимодействия.

The article discusses the concept and features of religious extremism, problems of law enforcement in this area. Analysis of judicial practice leads to the conclusion about the limited effectiveness of legal remedies

in qualifying and countering extremism. Improving the system of prohibitions and sanctions should be done in parallel with the development of other means of inter-religious cooperation.

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистская деятельность, религиозный экстремизм, религия. Extremism, extremist activities, religious extremism, religion.*

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-1-46-51

Религиозный экстремизм традиционно рассматривается как одна из разновидностей экстремизма наряду с политическим, национальным и другими видами. В последнее время появилось достаточно много научных публикаций по данной тематике, причем часто религиозный экстремизм рассматривается применительно к конкретной религии, чаще всего к исламу [1; 10]. В данной статье религиозный экстремизм рассматривается как таковой, без привязки к конкретной конфессии.

С юридической точки зрения религиозный экстремизм является противоправным деянием, запрещенным многими правовыми нормами, начиная с Конституции Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции РФ «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие... религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда... религиозного превосходства».

Статья 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] относит к проявлениям экстремизма среди прочего возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или по его отношению к религии.

Статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам отношения к религии.

Поводом для более подробного исследования сущности религиозного экстремизма стала неоднозначная, а в некоторых случаях просто скандальная правоприменительная практика в данной сфере. Рассмотрим ряд нашумевших в течение нескольких последних лет процессов.

Большое общественный резонанс вызвали судебные процессы о признании экстремистским лозунга «Православие или смерть».

В декабре 2010 года решением Черёмушкинского районного суда Москвы этот лозунг,

напечатанный на футболках, был признан экстремистским и включен в Федеральный список экстремистских материалов под номером 865 [9]. Согласно заключению экспертов Российского института культурологии эта надпись возбуждает религиозную вражду и пропагандирует превосходство граждан одной религии по отношению к представителям другой. Однако в апреле 2011 г. Люблинский районный суд отклонил представление прокуратуры о признании футболки с данной надписью экстремистским материалом, основываясь на заключении комплексной экспертизы, которую проводил Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте РФ. Несмотря на то что решения двух судов противоречат друг другу, на сайте Министерства юстиции данный лозунг по-прежнему находится в Федеральном списке экстремистских материалов.

В 2011–2012 гг. в Томске проходили судебные процессы по поводу признания экстремистским материалом книги «Бхагавад-гита как она есть».

В декабре 2011 года районный суд отказал прокурору в удовлетворении его иска. Не согласившись с судебным решением, прокурор подал апелляционное представление в областной суд. В марте 2012 года Томский областной суд отклонил апелляцию прокурора.

В 2013 году Октябрьский районный суд города Новороссийска признал экстремистским материалом «Смысловой перевод священного Корана на русский язык» азербайджанского религиозного философа Эльмира Кулиева.

Эксперты предъявили к переводу претензии, которые могут быть предъявлены к любому древнему религиозному сочинению: в книге содержатся «высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по признакам отношения к определенной религии (в частности, не мусульманам); содержатся высказывания, в которых речь идет о преимуществе одного человека или группы лиц перед другими людьми по признаку отношения к религии, в частности, мусульман над не мусульманами; высказывания,

содержащие положительную оценку враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признаку отношения к религии, в частности, мусульман по отношению к не мусульманам; а также высказывания побудительного характера, по смысловому пониманию призывающие к враждебным и насильственным действиям одну группу лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признаку отношения к религии, в частности, мусульман по отношению к не мусульманам». Суд счел эти претензии достаточными. Это вызвало невиданную ранее волну возмущения среди российских мусульман. В декабре 2013 г. Краснодарский краевой суд отменил решение о признании книги экстремистской.

Большое внимание общественности вызвало решение городского суда Южно-Сахалинска от 12 августа 2015 г. о признании экстремистским материалом книги «Мольба (дуа) к богу: ее назначение и место в Исламе», которая представляет собой краткие пояснения к аятам Корана, приведенным на арабском и в русском переводе.

Суд согласился с выводом автора экспертизы о том, что в коранических текстах, приведенных в книге, и комментариях к ним содержится пропаганда превосходства ислама над другими религиями. В решении, в частности, сказано: «Компонентный анализ показал, что в спорном тексте “Аллах” противопоставляется неопределенному множеству богов, существующих в других религиях и являющихся ложными, а мусульмане, поклоняющиеся “Аллаху”, характеризуются как истинные и противопоставляются многобожникам, принадлежащим другим конфессиям и так же являющимися ложными. В данных фрагментах указывается на преимущество одной группы лиц перед другими людьми на основании их отношения к религии, принадлежности к исламу, к мусульманам». После волны возмущения в мусульманском мире суд Сахалинской области 5 ноября 2015 г. отменил указанное решение городского суда.

Вслед за этим, 23 ноября 2015 года, была принята поправка в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», согласно которой Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

Перечисленные выше примеры объединяет одно – они получили широкий общественный резонанс вследствие явной некорректности и несоразмерности мер государственного принуждения

применительно к проявлениям религиозной жизни. Нет необходимости доказывать, что во всех перечисленных случаях сама постановка вопроса о запрете священных для верующих книг оскорбляла их религиозные чувства.

Правоохранительная система России до настоящего времени не выработала четких критериев, на основании которых можно было бы провести верную границу между нормальными проявлениями религиозной жизни общества и религиозным экстремизмом как отклонением от нормы.

Психология религиозного человека имеет ряд выраженных особенностей, которые следует обязательно принимать во внимание. Религиозное сознание в известном смысле изначально интолерантно, поскольку основано на противопоставлении крайностей: добра и зла, добродетели и греха, совершенства и несовершенства, истины и заблуждения. Религия требует полного признания человеком определенных идей и столь же полного отречения от других. Религия предполагает не только (и не столько) признание человеком определенных постулатов на уровне разума, но и интенсивного эмоционального переживания, постоянного внутреннего эмоционального напряжения.

Большинство мировых религий предполагает абсолютную, безусловную и даже фанатичную веру в исключительность, истинность, уникальность исповедуемого учения, требует отречения от каких-либо других учений и доктрин. Религиозное сознание исключает релятивизм в мировоззренческих вопросах. Как справедливо утверждает С. Е. Пролетенкова, «идеологические предпосылки религиозного экстремизма в рамках различных конфессий существуют практически с самого начала появления соответствующих религий» [7, с. 38].

Через призму перечисленных особенностей религиозного сознания нужно смотреть и на особенности религиозной литературы. Действительно, в религиозной литературе, как в древних источниках, так и в современных произведениях, достаточно часто встречаются фразы, которые можно было бы трактовать как экстремистские. Это высказывания об исключительной истинности данного учения, о преимуществах верующих данной религии перед неверующими, о неполноценности неверующих, о грядущем наказании для них. Можно встретить также прямые призывы к насилию в отношении «неверных».

Такие высказывания не следует трактовать поверхностно и прямолинейно. Зачастую они лежат не в плоскости взаимоотношений последо-

вателей одной религии с окружающими людьми, а в плоскости отношений верующего с самим собой. Религиозная литература построена на символизме, аллегориях, метафорах и гиперболах. Призыв бороться с «неверными» в контексте религиозного сознания может трактоваться и как призыв к духовной борьбе человека с «неверным в себе», со своими пороками и слабостями. Духовная жизнь верующего предполагает упорную внутреннюю борьбу, для того чтобы соответствовать определенным религиозным идеалам. Эта внутренняя борьба образно может изображаться как борьба внешняя, физическая.

Часто встречающееся в религиозной литературе противопоставление «мы – последователи истинной веры» и «они – неверующие» также следует понимать не в прямом смысле. Это не пропаганда превосходства и не разжигание религиозной нетерпимости, это прием убеждения, основанный на контрасте сравнения. По сути, это высказывания, направленные на мотивацию верующего к внутренней духовной деятельности, призыв быть «не таким», как неверующие.

Сложность борьбы с религиозным экстремизмом начинается со сложности его идентификации. Если понимать экстремизм в самом широком смысле – как приверженность крайностям, то он является свойством религиозного сознания, своеобразным «естественным фоном».

С пониманием нужно относиться и к религиозной пропаганде (прозелитской деятельности). В жизни мы можем наблюдать порой достаточно навязчивую и даже агрессивную пропаганду религиозных идей. Тем не менее она вписывается в общую парадигму функционирования религиозного сознания: последователи религиозного учения склонны придавать своему обращению к вере сверхценное значение, поэтому видят некий долг в приобщении к данной вере других людей. Свобода распространения религиозных убеждений предусмотрена и в ст. 28 Конституции Российской Федерации.

Многие проявления, внешне похожие на религиозный экстремизм, на самом деле камуфлируют совсем другие идеи и цели, преимущественно политического характера.

У. А. Алиев справедливо говорит: «Практически религиозный экстремизм – это порождение

политического и националистического экстремизма: у них одни корни» [1, с. 37]. Э. К. Джамалова утверждает: «Максимальную остроту религиозный экстремизм... приобретает в случаях использования религиозной идеологии в националистических сепаратистских целях. Религиозный фактор используется в качестве идеологической и организационной поддержки для реализации вполне конкретных интересов различных сил и субъектов политического действия» [2, с. 528].

Развивая эту мысль, можно выразить сомнение в допустимости самого термина «религиозный экстремизм». Те действительно общественно опасные явления, которые называют религиозным экстремизмом, на самом деле имеют к религии весьма косвенное отношение. По сути это псевдорелигиозный экстремизм. Это политический экстремизм с использованием религиозной риторики и атрибутики.

Нужно признать, что борьба с религиозным экстремизмом приобретает черты «борьбы с ветряными мельницами», осуществляется подчас неуклюже и неэффективно. Правоохранительные органы действуют излишне формально и прямолинейно, находя признаки экстремизма в изъятых из контекста фрагментах разных текстов¹. В такой практике нет никакого противодействия экстремизму, напротив, это отчасти даже провоцирует его, поскольку верующие воспринимают претензии правоохранительных органов как «посягательство на веру». Следует понимать, что религиозное сознание чрезвычайно чувствительно к любым негативным проявлениям, затрагивающим исповедуемое учение. Религиозные идеи в сознании верующего человека приобретают сверхценное значение, иногда превышающее по значимости даже собственную жизнь. Нет необходимости говорить, к каким опасным последствиям могут привести попытки государства вмешиваться в эту чувствительную сферу.

При анализе сущности религиозного экстремизма прежде всего нужно отсеять различные проявления религиозной жизни, которые объективно характерны, нормальны для этой сферы и не представляют общественной опасности. Нужен четкий критерий, позволяющий идентифицировать религиозный экстремизм. Думается, что таким критерием может быть насильственный элемент в религиозной деятельности.

¹ О необходимости формирования навыков противодействия религиозному экстремизму см.: Яворский М. А. Формы и виды взаимодействия ОВД с религиозными объединениями в сфере противодействия религиозному экстремизму // Рос. следователь. 2008. № 24. С. 31–33.

О религиозном экстремизме в строгом юридическом смысле этого понятия можно говорить лишь в случае, когда религиозные идеи используются в качестве призыва к насильственным действиям или оправдания насильственных действий. Можно согласиться с определением Е. Л. Забарчук: «Религиозный экстремизм – это деятельность в сфере межрелигиозных отношений, находящая свое выражение в насильственных попытках навязывания обществу определенной системы религиозных воззрений, а также обоснование либо оправдание такой деятельности» [3]. Проявлениями реального религиозного экстремизма можно считать применение насилия в связи с религиозной принадлежностью, угрозы насилия, обоснование необходимости насилия.

В научной литературе встречаются мнения о том, что насилие не является обязательным признаком религиозного экстремизма, что экстремизм может быть ненасильственным и потому некриминальным [4; 8].

Представляется, что данная позиция имеет право на существование в плане теоретического осмысления религиозного экстремизма, но для практической правоприменительной деятельности она не годится.

Против излишне широкой трактовки религиозного экстремизма выступил и Конституционный Суд РФ, его позиция изложена в Определении от 2 июля 2013 г. № 1053-О: «Ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы совести и вероисповедания... не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями. Иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина».

Аналогичный подход прослеживается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11: «Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении... привержен-

цев той или иной религии. Критика религиозных объединений... религиозных убеждений... религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

Признак насилия в определении религиозного экстремизма содержался и в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» до внесения поправок от 24 июля 2007 г.: под экстремизмом понималось «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию». Поправкой 2007 г. слова о насилии были исключены. Внося эту поправку, законодатель руководствовался стремлением пресечь интолерантную риторику в области межнациональных и межконфессиональных отношений «на ранней стадии», пока дело еще не дошло до насилия или призывов к нему [6]. Однако эффект от этой поправки оказался иным – определение экстремизма вообще и религиозного экстремизма в частности стало излишне широким и неопределенным.

Можно перечислить ряд проявлений религиозной жизни, которые по определенным внешним признакам схожи с экстремизмом, но при более внимательном рассмотрении не являются экстремистскими (при условии, что они не связаны с насилием):

- суждения об исключительной истинности данного вероучения, ложности и ошибочности других;
- призывы к принятию данной веры, отказу от иных религиозных взглядов, от атеизма;
- суждения о «привилегированном» положении приверженцев данной религии, их особой «близости» к Богу, награде за веру в земной или загробной жизни;
- критика в адрес лиц, не разделяющих какие-либо религиозные взгляды и убеждения, предсказание для них кары за неверие;
- призывы к борьбе за распространение и утверждение идей данного вероучения;
- критика деятельности иных религиозных организаций, их руководителей.

В заключение еще раз отметим, что религия как одна из форм общественного сознания имеет свои особенности, которые следует принимать во внимание, не допускать формального правоприменения в столь чувствительной сфере. Религия как одна из сфер жизни общества по природе своей достаточно конфликтна, отношения между последователями разных религиозных культов

часто очень напряжены. Но думается, что законодательство о противодействии экстремизму – не вполне подходящий инструмент для разреше-

ния этой проблемы. Здесь необходимо развивать формы межконфессионального диалога при посредничестве органов государственной власти.

Библиографический список

1. Алиев, У. А. Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения религиозного экстремизма / У. А. Алиев // Рос. следователь. – 2012. – № 15. – С. 36–38.
2. Джамалова, Э. К. Религиозный экстремизм как деструктивное явление в правовой культуре народов Дагестана / Э. К. Джамалова // Акт. проблемы рос. права. – 2012. – № 5. – С. 528–534.
3. Забарчук, Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности [Электронный ресурс] / Е. Л. Забарчук // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.
4. Мусаев, Б. З. Теоретико-методологические предпосылки определения религиозно-политического экстремизма / Б. З. Мусаев // Закон и право. – 2009. – № 2. – С. 55–58.
5. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
6. Павлинов, А. В. Поправки к антиэкстремистскому законодательству России / А. В. Павлинов // Рос. следователь. – 2008. – № 12. – С. 33–36.
7. Пролетенкова, С. Е. Общие методологические подходы к исследованию факторного комплекса религиозного экстремизма / С. Е. Пролетенкова // Рос. следователь. – 2013. – № 4. – С. 37–39.
8. Розенко, С. В. О религиозном экстремизме / С. В. Розенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 4. – С. 20–24.
9. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // М-во юстиции Рос. Федерации. – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=4 (дата обращения: 20.09.2015).
10. Фридинский, С. Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности / С. Н. Фридинский // Рос. следователь. – 2008. – № 12. – С. 25–28.

УДК 343.546

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Improvement of the Practice of Application of Criminal Law on the Responsibility for Non-Violent Depraved Actions Against Minors

КУЗНЕЦОВ Анатолий Владимирович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук (Омск)

Kuznetsov Anatoly V. – Associate-Professor of Criminal Law and Criminology Department, Omsk Law Academy, Candidate of Legal Sciences (Omsk)

tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

Аннотация. В статье обозначена проблема квалификации противоправных развратных действий. Представлены и проанализированы примеры правоприменительной практики. Показан и проанализирован опыт зарубежного законодателя в этой сфере. Предложены пути оптимизации российского уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за развратные действия, даны рекомендации сотрудникам правоохранительных органов.